

ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ СВЯТЫХ В РАЗНЫХ
РЕГИОНАХ РОССИИ РАННЕГО XVII в.
(по материалам писцовых книг)

Политическая раздробленность России в XIV–XV в., как известно, способствовала тому, что формировавшиеся в отдельных «землях» культы святых часто не получали более широкого распространения. Как писал позднее книжник XVI в. о почитании многих подвижников, «идеже коегождо их честныа раки со св. мощми быху, ту и славими быша»¹. В середине XVI в. были предприняты большие усилия, чтобы изменить такое положение вещей. Уже в феврале 1547 г. по инициативе митрополита Макария был созван собор, установивший дни, когда следовало «по всем святым церквам и по всем градом великого царства Российского» «пети и празновати» в честь многих святых, почитавшихся ранее лишь в отдельных центрах или землях (среди них были новгородские, вологодские, муромские и другие святые)².

Это послужило началом большой работы по сбору сведений о месточтимых святых на территории всех епархий, когда стали создаваться тексты служб и житий и записи чудес. В результате на новом соборе 1549 г. круг святых, заслуживавших общерусского почитания, был существенно расширен [Макарий (Булгаков), с. 123–125, 557–558]. Производившаяся работа по созданию пантеона русских святых, заслуживавших общерусского почитания, продолжалась и после созыва этих соборов, найдя свое отражение, в частности, в создававшихся в 50-е годы XVI в. редакциях Великих Миней четых [Ключевский, с. 238].

Представляется важным попытаться выяснить, как повлияла вся эта большая работа на сознание общества (прежде всего духовенства) на местах, что из этого пантеона в разных местах привлекало к себе большее или меньшее внимание. Некоторые возможности для этого открывают писцовые описания городов и уездов Русского государства 20-х годов XVII в. Не всегда, но все же неоднократно описания эти включают подробные описи имущества ряда церковных учреждений (церквей и монастырей), находившихся под царским патронатом. Это имущество, по-видимому, рассматривалось как особая часть государственного имущества. Писцы старательно перечисляли находившуюся в храмах разнообразную церковную утварь, книги и иконы. Если перечни книг носят подчас общий характер и не всегда позволяют судить о содержании перечисленных рукописей, то с иконами дело обстоит гораздо более определенно. Сталкиваясь со сложной композицией, писцы старательно перечисляли расположенные на иконной доске фигуры. Есть основания полагать, что в изображенных на описанных писцами иконах мы имеем дело с кругом святых, особо почитавшихся в данном храме или обители.

В данной заметке автор сопоставляет между собой содержание двух таких описаний собраний достаточно древних, обладающих своими традициями обителей, расположенных в разных регионах России: в Старой Руссе, с одной стороны, и в Нижегородском уезде — с другой. Старая Русса — крупный центр солеварения — к XVII в. пришел в упадок. Многие городские храмы во время событий Смуты подверглись разграблению³, однако сохранил свое имущество, внимательно описанное писцами, основанный еще в конце XII в. Спасо-Преображенский монастырь. В церковной казне хранился образ Спаса в серебряном окладе — «в подножии преподобныи Изосим и Саватий, вверху по сторонам два святых стоячих — Мантырей и Еуфимей»⁴. Помещение на этой иконе вместе с изображениями соловецких святых изображений новгородских архиепископов Мартирия и Евфимия II вполне понятно, так как обитель была основана Мартирием, а по приказу Евфимия II был отстроен заново главный монастырский храм⁵.

Однако в монастыре были и иконы, изображавшие новгородских святых, неоднократно вместе с какими-то общехристианскими святыми. Так, на одной из икон был изображен новгородский епископ Никита вместе со священномучеником Артемием, а имелась и икона, на которой были изображены «два святых стоячих — Ондрей Стратилат да Варлаам Хутынской»⁶. Существовал и отдельный образ Варлаама Хутынского «стоячей на золоте»⁶. Варлаам Хутынский пользовался, по-видимому, в обители особым почитанием, так как икона с его изображением стояла и в Сретенской церкви монастыря вместе с образом Евфимия Великого⁷.

¹ Цит. по: [Ключевский, с. 461].

² Текст соборной грамоты см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Примечания. СПб., 1853. Т. IX. Примеч. 87. С. 28–29.

³ Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / Публ. подг. И. Ю. Анкудинов, К. Б. Баранов, А. А. Селин. М., 2009. С. 128, 146, 151.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 40, 422.

⁶ Писцовые и переписные книги Старой Руссы. С. 266.

⁷ Там же. С. 273.

Очевидно внимание к новгородским святым — организаторам монастырской жизни в Новгородской земле, стремление сопоставить их с известными христианскими святыми. Вместе с тем каких-либо изображений других русских святых ни в одном из храмов монастыря не было.

Наблюдения эти получают дополнительное подтверждение при обращении к описанию книжного собрания монастыря. Об интересе к древнему прошлому говорит присутствие в собрании рукописи Киево-Печерского патерика⁸. Однако по отношению к более новым временам в собрании отмечены лишь рукописи с житиями новгородских святых. Одна из рукописей включала в себя «Житие и чудеса Зосимы и Саватая». В другой, кроме этого текста, были переписаны Жития Саввы Вишерского и Михаила Клопского⁹. Таким образом, монашеская братия Спасского монастыря довольно последовательно ориентировалась на круг изображений и текстов, не выходящих за пределы Новгородской епархии.

Представляет интерес сопоставить полученные результаты сопоставить с описанием имущества Нижегородского Амвросиева Никольского Дудина монастыря в писцовом описании Нижегородского уезда начала 20-х годов XVII в. Как и Спасский монастырь в Руссе, этот монастырь был достаточно древней обителью. В документах XVII в. имеются ссылки на пожалования монастырю первого суздальско-нижегородского князя Константина Васильевича¹⁰.

В монастыре в 20-е годы XVII в. имелось несколько храмов. Наиболее древним был, по-видимому, храм Николы. В этом храме, сравнительно скромном по своему убранству, присутствовал «образ окладной московских чудотворцов Петра и Алексея и Ионы»¹¹. Значительно более богата утварью и иконами была Успенская церковь «верх шатром, о двунатцати стенах». В местном ряду иконостаса находился образ «великого князя Владимира киевского да Бориса и Глеба», а также иконы с изображениями митрополита Ионы и Сергия Радонежского. В храме был также предел, посвященный Сергию Радонежскому, где находился и его «местный» образ «з деяние» и пелена с его изображением¹². В храме имелся также «образ местной Василия Блаженного» и еще 4 его изображения¹³. Василий Блаженный был в обители предметом особого почитания. Еще в одной монастырской церкви, Ильи пророка, имелся предел «Василия Блаженного московского чудотворца» с двумя его изображениями¹⁴.

Все эти данные позволяют говорить, что нижегородская обитель явно испытывала сильное влияние, идущее из Москвы. Сделанные в описи имущества пометки о книгах и предметах, как вклады в монастырь тех или иных лиц, позволяют судить, что имели место контакты и с царской семьей¹⁵, и с селившейся в Нижегородском крае московской знатью¹⁶, и, наконец, с Троице-Сергиевым монастырем¹⁷. Такие вклады в описи имущества Спасского монастыря в Руссе не отмечены.

Приведенные данные стоит сопоставить со сведениями описи о книжном собрании Дудина монастыря. Как уже отмечалось, ряд определений носит слишком общий характер, но все же некоторые наблюдения сделать можно. Как и в Новгороде, в собрании Дудина монастыря был список Киево-Печерского патерика, но имелся и ряд более поздних памятников, созданных, что важно отметить, в разных регионах России. Так, отмечен «Сборник», открывавшийся Житием Сергия Радонежского, что, конечно, неудивительно, учитывая его особое почитание в обители, но также «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «книга благоверных князей (!) Петра и Февронии Муромских чудотворцов», наконец, один из сборников открывал «канон князю Роману углецкому»¹⁸.

К этому следует добавить, что опись фиксирует присутствие в обители изображений и текстов, связанных с Новгородской землей. Так, среди имущества, хранившегося в Успенской церкви, отмечены «пять образов ноугородских чудотворцов, все на одной дске»¹⁹. Указано также, что ветхий Трефолой открывался службой Варлааму Хутынскому²⁰. В другом Трефолое вместе с канонем Роману Углецкому отмечено Житие Саввы Вишерского²¹. Все это дает основания утверждать, что перемены середины XVI в.

⁸ Там же. С. 271.

⁹ Там же.

¹⁰ АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 298. С. 326.

¹¹ Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века. Ч. 2 / Сост. А. В. Антонов, А. А. Булычев, В. А. Кадик, С. В. Сироткин. М., 2015. С. 482.

¹² Там же. С. 479—481.

¹³ Там же. С. 485.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В обители имелись серебряные сосуды — вклад «по государе царевиче и великом князе Иване Ивановиче всеа Руси» (Там же. С. 485).

¹⁶ В описи отмечен вклад Петра Васильевича Головина (Там же. С. 481).

¹⁷ В описи имущества упоминается «Лествица» — дача старца Варсунофия Якимова, игравшего большую роль в Троицкой обители в последних десятилетиях XVI в.

¹⁸ Там же. С. 482—483.

¹⁹ Там же. С. 480.

²⁰ Там же. С. 482.

²¹ Там же. С. 483.

и некоторые более поздние (канонизация Романа Углицкого имела место в начале XVII в.) наложили, очевидно, известный отпечаток на жизнь обители, но находящееся в монастыре собрание икон показывает, что особым почитанием в нем пользовались почти исключительно главные московские святые.

В любом случае, сделанные сопоставления показывают, что в практике почитания русских святых между отдельными регионами могут быть отмечены существенные различия, которые позволяют выявить описания церковного имущества в писцовых книгах 20-х годов XVII в. Хотелось бы выразить надежду, что обращение к другим описаниям такого типа помогло бы дополнить и обогатить обрисованную в данной заметке картину.

Литература

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. IV. Ч. I.